



Анна
БАУЗЕР

После
ИЗМЕНЫ

P.S. Я люблю тебя сильнее

Алика Бауэр

После измены. P.S. Я научу тебя чувствовать.

<https://litres.ru/74238359>

Аннотация

Он - самовлюблённый мажор и эгоист, который ещё с малых лет любил всем показывать, где их место, унижая и всячески издеваясь. Я - одна из тех, кто познакомился с издевками Барского в школьные годы. Больше десяти лет я пыталась забыть его, как самый страшный сон. Но, похоже, у судьбы свои планы, и теперь мне придётся работать на школьного врага, надеясь, что тот меня не узнает. Ведь после несчастного случая он ослеп. *** — Меня зовут Виктория, — заявил смело девичий голосок, с обладательницей которого, я думал, мы уже распрощались. — Я ваша новая сиделка. Губы растянулись в предвкушающей ухмылке. Что ж, Виктория. Посмотрим, как быстро я смогу тебя сломать.

- богатый_парень_и_простая девушка - откровенные_сцены - встреча_через_годы - потеря_зрения - измена - ХЭ

Бумажную версию книги можно приобрести по артикулам:

Ozon 2949880431

Wildberries 560728633

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	44
Глава 7	53
Глава 8	61
Глава 9	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Пролог

Чёртова лестница.

Друзья говорили, что я грёбанный псих, раз решил в своём новом доме построить винтовую лестницу. Угорая в пьяной эйфории, они твердили, что я обязательно с неё полечу, будучи в таком же нетрезвом состоянии от алкоголя или наркотиков, ловя очередные вертолёты и приход.

Только сейчас я более чем трезв. Но тошнотворной комок все равно подкрадывается к горлу от того, что с каждым шагом, с каждой преодоленной ступенькой вверх я наблюдаю вещи, которых мне не хотелось бы видеть. Которые я не должен был увидеть.

Красные туфли и галстук с причудливым рисунком.

Отвратительный. Безвкусный. Как она вообще повелась на носителя этого дерьма?

Три ступеньки вверх.

Красное платье и черная рубашка. Не самая дорогая. Среднего класса. Это искренне удивило, ведь знал, что моя девушка при знакомстве с кем-либо сначала оценивает, на сколько тысяч баксов одет её собеседник.

Четыре ступеньки вверх.

Мужские коричневые ботинки.

Сомнений не осталось ещё с первой увиденной шмоткой на полу, что происходит в доме, который я подарил на день

рождения своей невесте.

Мне осталось подняться на каких-то пять ступеней, чтобы стать зрителем в первом ряду, но и отсюда было все прекрасно видно. Как на китайском шёлке, немного измятом и потном от чужих тел, *она* скачет на члене верхом: самозабвенно, красиво прогибаясь в спине и активно работая тазом, как никогда раньше со мной.

Это можно было бы причислить к качественной эротике.

Грустная усмешка коснулась губ, стоит только вспомнить её "Я стесняюсь ", " Я так не умею"... А оказывается, умеет и не такое... И не так... И достаточно пластична для этой позы. Стонет так сладко и громко, что на душе кто-то скребет острым осколком стекла, вырезая на рёбрах "Измена".

Упругая попка подпрыгивает при каждом столкновении с его бёдрами. А я-то, дурак, думал, что она так усердно ходит в зал (который я ей оплатил), ради меня, качая зад.

Мужские ладони обхватывают её за талию, крепко сжимая в тисках, и он начинает вдавливать в нее на бешеной скорости. А эта сука, откинув голову назад, только громче стонет, прикрыв лживые глаза. Успеваю разглядеть обручальное кольцо на безымянном пальце мужика.

С меня хватит.

За всю свою жизнь не знал такого чувства, как унижение, а сейчас, хлебнув его сполна, начинаю задыхаться в его горечи. Становится душно. Надо сматываться отсюда.

Не хочу больше видеть *это*.

Быстро сбегая вниз по винтовой лестнице, совершенно не заботясь о том, что мой топот может быть услышан, чувствую резкое головокружение и приступ тошноты.

Перед глазами словно чёрная паутина, что с каждой секундой становится всё плотнее. Перехожу на шаг и цепляюсь одной рукой за перила, продолжая спускаться. Не хочу останавливаться, словно воздух и каждая вещь в этом доме были отправлены ложью, что начинала невидимо разъедать кожу.

Виски простреливает боль, в глазах резко чернеет.

Оступаю. Почти падаю, но пальцы вовремя успевают схватиться за перила. Пытаюсь идти дальше, но нога соскальзывает со следующей ступеньки, и я лечу кубарем вниз по спирали, отбивая внутренние органы.

Сильный удар головой. В ушах оглушительный звон. И я теряю сознание.

Дорогие читатели, я рада видеть вас в своей новой истории. Вы будете переживать, улыбаться, сочувствовать, может быть, даже немного плакать... Я попробую пробудить в вас самый разный спектр эмоций и чувств! (и название у романа говорящее). Прошу поддержать мою новинку звёздочками и комментариями. Автора это мотивирует.

Всех целую в обе щеки.

Книга вышла на бумаге от издательства RUGRAM. Я не могу здесь оставить ссылку, но вы ее можете найти в разделе

"Обо мне".

Глава 1

Виктория

За ажурными коваными воротами виднелась мощеная дорожка, которая вела к огромному трехэтажному дому из темного камня, с панорамными окнами почти по всему периметру первого этажа. За всю свою жизнь не видела таких домов вживую и уж точно не думала, что мне предстоит там работать.

Я обычная студентка, которой приходится, как и многим, оплачивать свое обучение самой, а не полагаться на родителей, которые сами еле сводили концы с концами. Имея среднее медицинское образование, свободное лето и денежную задолженность по учебе в университете, закинула свое резюме на один небезызвестный сайт с вакансиями. В первый же день посыпались предложения, такие как посудомойщица в ресторане с двенадцатичасовым графиком или уборщица на фудкорте в торговом центре.

Такой труд мне был не чужд. Моя семья нуждалась в деньгах столько, сколько я себя помню. С подросткового возраста я хваталась за любую подработку, стараясь принести хоть копейку в семью. И все же *такие* варианты вакансий я решила рассмотреть на самый крайний случай.

И вот оно – объявление, что сразу же заинтересовало меня. Требовалась сиделка для незрячего человека. Желатель-

но с медицинским образованием для выполнения лечебных процедур. Больше никаких подробностей, кроме адреса и внушительной суммы оплаты.

А теперь, глядя на этот помпезный, а по-другому его не назовешь, особняк с прилегающими к нему территориями с садами, я засомневалась в своем выборе. Такая простая, обычная, хотя и далеко не глупая девушка, как я, явно не смотрелась в таком месте.

Девушка из прислуги в белом фартучке и черном строгом платье до колен встретила меня у ворот. И, извинившись от лица хозяйки за вынужденную задержку, удалилась обратно в дом, напоследок сказав, что я могу её подождать в саду.

Спустя несколько минут созерцания бесконечного розового сада и любования им, мне казалось, что вся моя одежда и даже кожа пропахли этими цветами. Несомненно, они все были прекрасны. Кажется, что здесь были собраны розы всех сортов и различной окраски и размера. И нужно расцеловать умелые руки того человека, что создал эту красоту: они росли то обычным кустом, то заплетались в высокую стену или арку.

От неожиданно раздавшегося грохота с последующим матом где-то совсем рядом я подскочила на месте, ведь думала, что нахожусь здесь одна. Оглядевшись, через пару метров за одним из объемных розовых кустов я увидела лежащие на земле чьи-то ноги в кроссовках.

Прикусив губу, я пошла на непрекращающийся звук от-

борных ругательств.

Эта часть сада не была оснащена мощеными дорожками, и, похоже, система полива дала сбой. Земля превратилась в месиво из грязи, на которой легко можно было поскользнуться.

— Вы в порядке? — мой голос взлетел на последней ноте, когда я сама проехала по этой луже из земли, чуть не упав.

За это время, пока я пыталась добраться до незнакомца, он сам попытался встать: ноги выпрямлены, ладонями опирался о землю. Этакая поза для любителей огорода. Его руки и ноги продолжали разъезжаться в этой грязи, пачкая еще сильнее его спортивный костюм.

Услышав мой голос, незнакомец замер и чуть повернул голову в сторону, словно прислушиваясь, но этого было недостаточно, чтобы разглядеть его лицо.

— Идиотка. Как я могу быть в порядке? — раздраженно прозвучал молодой голос парня, и он показался мне страшно знакомым.

От откровенного хамства я подавилась воздухом и чуть не прикусила язык.

— П-простите, но...

— Прощаю, — буркнул он, прерывая мое жалкое бление и продолжая возиться в грязи на своих конечностях. — А теперь хватит пялиться на мой зад, и помоги мне, — голос звучал в приказном порядке.

Стоило проучить хама и, развернувшись, уйти, оставив

его один на один со своей проблемой. Но он выглядел ... дезориентированным, и его попытки выкарабкаться из этого месива самостоятельно смотрелись жалко. Не сумев подавить в себе чувство милосердия и преисполненная желанием высказать все, что я о нем думаю, в лицо, я все же решила помочь. Его правую руку я закинула к себе на плечо и, перехватив его за талию, начала поднимать вверх.

— Есть такое понятие – благодарность, когда человек пытается тебе помочь, — кряхтела я, пытается справиться с мужским телом, что было на голову выше меня, и при этом умудрилось нагло повиснуть на крохотной мне.

Пару шагов по этой жиже и вот мы на сухой и твердой земле. Ощувив это, парень явно почувствовал себя уверенно, встал твердо на свои ноги и поднял голову.

И тогда я увидела его - кошмар своих школьных лет.

Перед глазами - нахальная улыбка, что никогда не спадала с его лица, в ушах - язвительный смех и гадкие фразы, бросаемые в меня при каждом удобном случае.

Он почти не изменился. С последней нашей встречи прошло около десяти лет. Но... Те же кудрявые волосы цвета вороньего крыла теперь спиральками падали на глаза из-за длительного отсутствия стрижки. Он определенно стал выше. Его лицо приобрело более мужественные черты, скулы заострились, а глаза... Его синие глаза, в которых тонула каждая девочка из нашего класса, теперь смотрели в никуда и, казалось, даже потеряли ту насыщенность цвета.

Боже. Он... Он ослеп.

— Ты что, на меня пялишься? Слепых никогда не видела? — недовольно выплюнул, обтирая ладони о спортивные штаны.

— Я не...

Я смотрела в лицо собственному страху и не могла вымолвить ничего связного, трясаясь перед ним как осиновый лист. Хотелось сбежать, но ноги приросли к месту, а от насыщенного цветочного запаха начинала кружиться голова.

— И это ты мне еще говоришь про манеры? Да и кто ты такая? Я не припомню твой мямлящий голосок в моем доме. Неужели... Ты моя новая сиделка? — на его лице появилась та самая нахальная ухмылка, что я старалась забыть многие годы, и от которой шел холодный мороз по коже.

Не могла перестать всматриваться в его глаза, что не видели меня. Его взгляд, направленный поверх моей головы, пугал. Но, кажется... Максим Барский так и не узнал меня.

— Я не... Нет. Я — никто.

Ухмылка за мгновение сменилось злобой, с примесью брезгливости.

— Так и проваливай тогда отсюда.

Я неслась по бесконечным лабиринтам розовых кустов, ища выход. Не вижу дороги. Она расплывается в одно цветное пятно. Перед глазами он... И его дружки, превратившие мою школьную жизнь в ад, из которого я не могла выбраться. Казалось, этому не было конца.

— Вы, должно быть, Виктория?

Учтивый женский тон заставил меня остановиться. Я обернулась на голос и увидела стройную блондинку в стильном брючном костюме. Она улыбалась мне и протягивала руку для приветствия.

Я с тоской еще раз посмотрела на распахнутые ворота, что были уже совсем близко и манили свободой, и вложила свою ладонь для рукопожатия.

— Меня зовут Светлана Барская. Именно со мной вы связывались по поводу вакансии сиделки для моего сына.

Сердце рухнуло вниз в пятки и дальше провалилось под землю, возвращаясь в ад. Нет. Нет. Нет. Я не переживу это снова.

— Извините, я поняла, что мне не подходит эта работа, — оттараторила я и, развернувшись на невысоких каблучках в сторону выхода, быстрым шагом направилась к нему.

Уже видела спасительный свет и предвкушала свежий воздух. Подальше от этих роз. Подальше от Барского.

— Жаль, — Светлана тяжело выдохнула. — Придется опять краснеть и звонить в агентство. В двадцать восьмой раз.

Шаг непроизвольно замедлился от услышанной цифры. Голос разума твердил, что опасно связываться со всей их семьей, и нужно скорее уносить ноги, но женское любопытство взяло верх. Проклиная свою неугомонность, я с тяжелым вздохом развернулась обратно.

— Я могу узнать, что произошло с вашим сыном?

На губах женщины дрогнула еле заметная улыбка, и она показала рукой в сторону очередного сада, приглашая прогуляться. Мы шли медленно, но каждый шаг отдалял меня от ворот. Но уверенная в том, что мое решение ничего не изменит, я следовала за хозяйкой дома.

— Это случилось два года назад, — начала аккуратно Барская, скрепив пальцы в замок от волнения. — Упал с винтовой лестницы. В результате - сотрясение и разрыв зрительного нерва во время удара. Так они предполагают, — неуверенно закончила она.

— Врачи не уверены в своем диагнозе? — удивилась я.

— Они утверждают, что он полностью здоров, — грустно усмехнувшись, сказала она. — Ох, Виктория, к каким мы только специалистам не обращались. Ездили в Израиль и Германию. Все твердят одно и то же: он здоров. Но мой сын остается слепым, и никто не может выяснить причину.

Она быстро смахнула непрошенную слезинку, отвернувшись в сторону, надеясь, что я не увижу.

— У моего сына непростой характер. Я это прекрасно понимаю, — быстро произнесла она, прикрыв на секунду глаза. — А из-за болезни он стал еще более упрямым и озлобился на весь мир, запустил себя, потерял вкус к жизни. Находится с Максимом в одной комнате дольше пятнадцати минут стало почти невозможно. Но, может, вы все-таки попытаетесь?

— спросила Светлана с надеждой.

— Вы сказали, что придется звонить в агентство двадцать восьмой раз? — спросила я, игнорируя её просьбу.

— Увы, — выдохнула она. — Признаться, мне уже неудобно к ним обращаться. Никто из сиделок не проработал у нас дольше двух недель. У Макса словно цель довести человека до белого колена своими выходками. Он никого к себе не подпускает и отвергает любую помощь.

Рингтон телефона, заигравший в моей сумочке, прервал нашу беседу, во время которой я и так каждую секунду думала, как бы тактично уйти. Отойдя на пару шагов, я ответила на звонок своего куратора.

— Да, Алиса Павловна?

— Вик, мне только что звонила бухгалтер университета. Она сказала, что у тебя задолженность за последний семестр?

— Да, это так. Я оплачу все к сентябрю, — голос звучал уверенно, хотя я пока не представляла, как заработать такую сумму.

— Нет, Вик. У тебя есть неделя, — жестко произнесла Алиса Павловна. — Не только погасить долг, но и внести предоплату за первый семестр нового учебного года.

— Неделя? — растерянно переспросила я, быстро подсчитывая в голове нужную сумму.

— Именно. Они устали идти тебе навстречу все время.

Короткие гудки были похоронным маршем моей мечты о

высшем образовании. Мне не найти таких огромных денег в кратчайшие сроки. Если только...

— Я согласна, — произнесла громче, чем следовало.

Каждый шаг к этому пугающему дому отдавался тупой болью в моих расшатанных нервах. Но я сильная. Всегда такой была. И пару месяцев с Барским переживу, осталось только надеяться, что он меня не узнает...

Общей суммы за два месяца работы сиделкой хватит и на погашение долга, и на оплату учебы за целый год. Таких огромных денег я нигде не заработаю за столь короткое время.

Мы прошли в просторную и красивую гостиную в мятных цветах. Минимум мебели, максимум света. А лежащий на полу человек в грязной одежде явно тут был не к месту.

— Дорогой, — обратилась Светлана к телу на ворсистом ковре, — хочу тебе представить...

— Меня зовут Виктория, — чуть задрав подбородок, заявила я. — И я ваша новая сиделка.

На лице Барского появилась пугающая ухмылка, не предвещающая ничего хорошего. Кажется, я только что продалась самому дьяволу.

У меня вышла новиночка!

в тексте есть: обаятельный грек, острая на язык героиня, фиктивный брак

— Ты сейчас серьезно предлагаешь выйти за тебя?
 — Для тебя это интересный опыт. Для меня — восстановление репутации.
 — Это абсурд. Между нами ноль процентов химии.
 — Так давай притворимся.

 Когда твой лучший друг, с которым вы не виделись почти десять лет, делает тебе предложение, первая мысль: это розыгрыш.
 Денис Астериадис — блестящий акушер-гинеколог, привыкший быть лучшим. Его имя всегда было синонимом профессионализма и доверия. Пока один грязный скандал не разрушил все.
 Теперь его репутация висит на волоске. А единственный способ ее спасти — фиктивный брак.
 Но чем чаще нам приходится притворяться влюбленными, тем труднее понять, где заканчивается игра

Глава 2

Максим

Я просыпаюсь. Кажется.

Это состояние между сном и реальностью я проживаю каждое утро, лежа на кровати, пытаюсь понять, где я нахожусь и что со мной. Вокруг темнота. Она густая и необъятная. Роится под моими веками, словно стая диких пчел, и, к сожалению, ничего не меняется, когда я открываю глаза.

Точно. Я же ослеп уже как два года.

Лежу в постели еще несколько минут, комкая пальцами от злости и досады простыни, даже не зная, какого они цвета. Не то чтобы я снова надеялся увидеть свет, проснувшись однажды утром и открыв по привычке глаза. Хотя нет... Я чертовски этого желал. Особенно в первый год после случившегося. Каждое гребаное утро, пробудившись ото сна, я боялся открыть глаза и почувствовать, что ничего не изменилось. Повторял про себя, как мантру, что моя слепота - просто кошмар, страшный сон. Считал до десяти и резко распахивал глаза, и ... ничего.

Надежда гасла, как желание бороться после многочисленных голосов врачей, что слились в единый гул, утверждающий, что у меня все хорошо. Зрительные нервы или каналы, черт их знает, потому что я особо не слушал врачей во время осмотра, не были повреждены вследствие черепно-мозговой

травмы. Тем не менее, я оставался слепым.

Настоящих друзей, как оказалось, у меня никогда и не было. Они перестали меня навещать примерно через полгода, теряя интерес к моей персоне и к моему времяпровождению. Да, сначала я пытался сделать вид, что ничего не изменилось, и я смогу так же продолжать тусоваться и ходить по клубам, будто бы ничего не случилось, будто мой недуг временный, надеясь на поддержку Арса и Мота.

Но, как оказалось, зря.

Эти два придурка так сильно напились, наплевав на чувство ответственности и своего друга, что в итоге я просидел на мягком диванчике клуба весь вечер до самого закрытия, пока официантка не попросила оплатить счет, потому что они уже закрывались. Таким беспомощным я себя никогда еще не чувствовал. И это было отвратительно. Я не мог взять стакан со столика, за которым сидел. Потому что тот был настолько длинным и широким, что на ощупь я его просто не нашел, или натыкался на уже пустые рюмки, не мог позвать официанта, потому что просто не видел, кто рядом со мной находится, не мог добраться даже до туалета. Так называемым друзьям, с которыми я был вместе еще со времен школы, просто нужны были мои деньги. Собственно, как и всегда, но потому-то в этот момент это ощутимо кольнуло сердце. Ведь была надежда, что...

Надежда. Это слово стало слишком часто появляться в моих мыслях. Хотя раньше я даже и не знал о его существо-

вании. Были только алкоголь, вседозволенность и Кристина.

Я всегда получал то, что хотел. С детства не знал отказа. Родители воспитали меня с верой, что весь мир лежит у моих ног, и планета вращается только лишь вокруг меня одного, поэтому я вправе получать все, что пожелал. Самые быстрые тачки, квартиры и девушек. Но вот запасть мне в душу смогла лишь одна. Она отличалась от других. Даже за слоём косметики мне казалось, что я вижу её настоящую, и то, что она ко мне испытывает - охмеляло. Но и это оказалось фальшью, прямо как её силиконовые сиськи, которые я ей оплатил.

Одна из самых отвратительных вещей, что даже оставаясь слепым, я все равно продолжал долгое время видеть перед глазами её прыгающий зад на члене какого-то мужика, и её стоны в этот момент пропитали мои барабанные перепонки.

Измена оказалась на вкус хуже яда, оставляя после себя горькое послевкусие, которое чувствовалось до сих пор.

Больше всего жалко было маму. Эта святая женщина пролила не один литр слез и истоптала с десятков пар обуви, обивая пороги самых лучших московских и зарубежных клиник. Если бы только это имело толк...

Первые три месяца моей бесконечной тьмы были самыми сложными не только для меня, но и для матери. Ведь она единственная, кто соглашался меня терпеть, и просто была рядом, пытаясь подавить мерзотный характер единственного сына.

Сначала я отрицал очевидное. Говорят, так бывает, когда

выносят смертный приговор – пять стадий принятия. Только сложно принять тот факт, что ты ослеп в двадцать пять, и твоя жизнь на этом закончилась. Поэтому все, что попадалось под руку, было разгромлено. И я даже не задумывался над тем, что могу кого-то покалечить, ведь не вижу, в какую сторону швыряю вещь, и что могу попасть в родителей или прислуживающий персонал в доме.

Я отвратителен, знаю. И свой ядовитый характер я решил оставить при себе, захлебываясь в собственной горечи.

Утешение находил в моральном уничтожении и унижении людей. Это помогало почувствовать себя снова живым. Увидеть цветные круги перед глазами, питаясь эмоциями людей, что были со мной. Гребаный энергетический вампир и псих.

Ненавижу чужую помощь. Это дает почувствовать себя снова жалким и вспомнить о своей беспомощности.

Спустя два года я неплохо передвигаюсь на ощупь по особняку родителей. Правда, не бывает таких дней, чтобы я не споткнулся, не поцарапался или не упал где-нибудь. Мать купила меня трость в надежде, что это как-нибудь мне облегчит жизнь. Я что, похож на сгорбленного старика? Металлическая палка так и осталась в моей комнате, позабытая в самом дальнем углу.

Сегодня мама буквально заставила выйти на улицу, треща без остановки о пользе свежего воздуха. Если только злово-
нье её роз можно было так назвать. И даже неуклюжее ба-
рахтанье в грязи, как сейчас, не заставит меня пользоваться

отныне тростью.

— Вы в порядке?

Замираю, услышав женский голос. Не встречал его здесь раньше. Я бы запомнил. Теперь у меня хорошая память на голоса, и даже стал различать оттенки эмоций, лишь слушая человека.

Стоя на четвереньках с оттопыренным кверху задом перед незнакомой девушкой, я чувствовал себя просто униженно. Это взбесило, и я нагрубил ей. Так обычно поступаю с людьми в желании почувствовать себя хоть капельку лучше. До дома мне помог добраться кто-то из прислуги, и, распластавшись в грязной одежде на ковре, я от безделья прокручивал в голове диалог с незнакомкой.

Наверняка она пришла устраиваться на должность моей сиделки. Я даже не удосуживался запоминать их имена, так часто они менялись. Но это только забавляло. Выводить человека на эмоции - самое любимое и теперь единственное мое развлечение.

Только вот помимо дрожавшего голоса девчушки, которую сумел напугать так быстро, что шел на личный рекорд, почему-то запомнился запах её духов. В стойких клубах розового облака, витавшего над садом, обонятельные рецепторы поймали ежевичный запах. Он был не резкий и не приторный. Сладко приятный. И это удивило меня, ведь обычно редко встретишь на девушках четкий аромат лишь одной ягоды.

Слух уловил приближающиеся в мою сторону шаги. Кажется, их было двое, и одним из незваных посетителей была мама, чье цоканье шпилек я узнаю из тысячи.

— Дорогой, — начала несмело родительница, сделав паузу, — хочу тебе представить...

— Меня зовут Виктория, — заявил смело девичий голосок, с обладательницей которого, я думал, мы уже распрощались. — Я ваша новая сиделка.

Губы растянулись в предвкушающей ухмылке.

Что ж, Виктория. Посмотрим, как быстро я смогу тебя сломать.

Глава 3

Виктория

Не в моих правилах было бросать начатое. Я даже отучилась на медсестру с красным дипломом, хотя сама профессия мне никогда не нравилась, зато привлекала своей значимостью родителей. Но сейчас, когда мне показали мою комнату, что прилегала к спальне Барского младшего, захотелось бежать. Это была секундная слабость, но слишком ярко ощутилась ноющим чувством в каждой мышце.

Это было логично и правильно – иметь сиделку под боком, а не ждать, пока та доедет из города и протрясётся полтора часа в автобусе. Только вот я этого не учла. Я старалась думать о хорошем и находить плюсы, рассматривая свою комнату: высокие потолки, темно-синие стены, огромная двуспальная кровать с множеством мелких подушек у изголовья, небольшой круглый столик и два кресла рядом. Минимум мебели, максимум простора. Похоже на девиз этого дома. Но что меня действительно порадовало - это собственная ванная комната в розовом мраморе и личным джакузи. Все походило на сказку, если не знать, что за стенкой еще наверняка спит сам продукт ада.

Мне дали время обжиться и привыкнуть к обстановке и примерно через час пригласили в ту самую гостиную, где вчера была представлена, как новая сиделка Барского. Из

высокого окна открывался вид на парк роз и небольшой работающий фонтан. В центре гостиной - столик, напротив - два изящных кресла, с другой стороны - диван. На столике белоснежный чайный сервиз и тарелка с капкейками и сэндвичами. В кресле сидела Светлана Дмитриевна в элегантном костюме нежно-сиреневого цвета. Глядя на неё, я пожалела, что выбрала утром старые джинсы и обычную футболку. Наверное, нужно теперь соответствовать такому красивому месту, хотя про дресс-код меня никто не предупреждал.

На диване, закинув ногу на ногу и откинув голову назад, сидел бывший одноклассник. Хотя в прошлый раз мне удалось рассмотреть его лишь мельком, под удары громяющего собственного сердце, то теперь с полной уверенностью могу сказать, что он совсем не изменился. Да, стал старше. Но тот же нахальный образ, что он носил все школьные годы, вырос вместе с ним.

— Виктория! — воскликнула Светлана Дмитриевна, повернувшись в мою сторону с чашкой чая в руках, как только я вошла. — Пожалуйста, присоединяйтесь, — она указала на кресло напротив себя.

Барский оставался неподвижным, не показывая и капли интереса к моей персоне. Это радовало.

— Как вы добрались? — Хозяйка дома налила в фарфоровую кружку чай и протянула её мне сразу же, как только я присела. — Вам понравилась ваша комната?

— Да, спасибо. Она очень милая и ...

— Еще б ей не понравилось, — прозвучало неожиданно со стороны дивана. Максим подняв голову, повернул её в сторону матери, только пустым взглядом все равно её не нашел. — Кому не понравится жить на халяву в шикарном доме, где будут кормить и подтирать за тобой?

— Максим! — шикнула на него мать.

— И нехилые деньги за это получать, — добавил скучающим тоном Барский, совершенно не обращая внимания на предупреждающий тон матери.

Его слова обжигали, как кружка чая в ладонях. Но показывать свой страх перед хищным зверем было бы самой большой ошибкой.

— Виктория, пожалуйста, не обращайтесь внимания на выпады моего сына...

— Даже и не думала, — отмахнулась я, стараясь вложить в голос как можно больше равнодушных нот. — Как-то я подрабатывала в детском саду нянечкой, и мне уже приходилось иметь дело с трудными детьми.

Сделав акцент на последним слове, я наблюдала, как Светлана Дмитриевна пыталась скрыть улыбку в чашке с чаем. Отлично. Эта женщина хотя бы понимает, что её сын -настоящий говнюк, и это немного давало мне поблажку, чтобы я смогла развязать свой острый язычок хоть изредка.

— А у кого-то прорезались молочные зубки, — довольно протянул Барский. — Что же ты вчера мямлила, как овечка?

— Что будет входить в мои обязанности? — спросила я

Светлану, оставляя вопрос Максима без внимания. — Есть какой-то распорядок дня?

Она закатила глаза.

— Мой сын настолько ленив, что, конечно же, никакого распорядка у нас нет. Но если вам удастся вывести его на прогулку хотя бы один раз в день, будет просто замечательно. Вы можете заниматься и развлекаться чем угодно. Если ваши занятия потребуют средств, смело обращайтесь, мы все оплатим. И еще, — она протянула мне небольшой листок, — это рекомендации врача.

На листке были подробно расписаны название препаратов, нужные дозировки. Ничего сверхъестественного, просто витамины, которые колоть можно и обычному здоровому человеку. Так же указаны глазные компрессы, которые нужно было проводить дважды в день: утром и вечером. Последним пунктом стоял массаж век. Ничего особенного. Но простота так называемого лечения меня удивила. Наверное, специалисты уже не видят смысла назначать что-то серьезное, обходясь витаминами для успокоения матери.

— Компресс на глаза уже сделал доктор, что заходил к нам с утра, а вот укол с цианокобаламином...

— Цианокобаламином, — быстро поправила её я, продолжая изучать инструкцию.

— Да, точно, нужно будет сделать сейчас, — она максимально тихо опустила чашку на блюдце. — Все необходимое вот на том комодe. Мне нужно будет отлучиться на несколь-

ко часов. Надеюсь, за это время вы не покинете нас.

— Удачного шопинга, маман, — Макс успел махнуть рукой до того, как дверь за Светланой Дмитриевной закрылась, и мы остались одни.

Глава 4

— Снимай штаны, — резко заявила я, решив покончить с этим быстро.

К сожалению, общение со своим подопечным нельзя было прекратить так же молниеносно, как сорвать надоедливый пластырь.

— Так быстро? — он расставил ноги шире. — Детка, ты не в моём вкусе.

— Ты же даже не знаешь, как я выгляжу, — сказала спокойно, сама себя удивляя, что пока достойно принимала его попытки задеть меня.

Я прошла к комоду, где лежало всё, что могло понадобиться для инъекций. Барский медленно поворачивал голову в сторону по мере того, как я отдалялась от него, продолжая смотреть в никуда ледяными синими глазами. К этому придется привыкать. Я вернула свое внимание к лекарствам: три витамина группы Б в разных шприцах без лидокаина - достаточно неприятный препарат. Надеюсь, Барскому будет как можно больнее.

— По твоему голосу слышно, что в тебе всё до ужаса пресное, обычное. Нет изюминки. Другими словами - серая мышь.

" — Вы только посмотрите на её зубы! Как у настоящей крысы!

— Да нет, зубы не так страшны на фоне её внешности. Она серая, словно **МЫШЬ!** "

Его слова активизировали флешбеки школьных времён, когда Барский и его прихвостни не давали мне прохода.

Мышь - их прозвище, придуманное мне ещё в шестом классе. С тех пор много лет прошло. И кривые зубы исправились брекетами, и внешность моя не такая заурядная. Всё-таки правильно подобранная одежда и косметика творят чудеса. Но простое и безобидное, на первый взгляд, слово "мышь" стало моим триггером, и, услышав его сейчас, я чуть не выронила вскрытую ампулу с препаратом.

— Тогда вечером придется напиться из-за твоего отказа, — сглотнув, ответила я, пытаюсь вложить в голос как можно больше уверенности с долей юмора.

— А мы уже на «ты»? — спросил Максим, изогнув бровь. Новый промах. Ведь для него я незнакомый человек. Правда, отсутствие должного воспитания с самого начала позволяло ему так фамильярно со мной общаться. Но я же... Знаю его уже полжизни.

— Мы примерно одного возраста, — сказала я, быстро придумав отмазку.

— Но ты на меня работаешь.

— Нанимала меня твоя мать, и именно на неё я работаю, — ответила, заканчивая свои последние приготовления, раскладывая на столике рядом с диваном шприцы и антисептик. — И всё же штаны придётся снять.

Барский фыркнул, недовольный вторым раундом нашего знакомства, но все же лёг на живот и приспустил штаны. Никогда не думала, что буду так близко видеть упругую попу бывшего одноклассника.

— И всё-таки ты пялишься, — прозвучало довольно с другого конца дивана. — На мой зад, — добавил Барский, когда я ничего не смогла вставить в эту неловкую паузу, замерев со смоченной в спирте ватой и шприцем в руке, действительно разглядывая причинное место.

— Я просто пытаюсь понять, куда колоть. На тебе же практически живого места нет.

Его зад действительно прилично пострадал от неумелых рук, что до этого делали ему уколы, покрывая его многочисленными синяками.

— Не делай вид, что тебе меня жалко. Коли уже.

Господи, пусть этот укол окажется самым болючим в его жизни. Была бы моя воля, я бы воткнула этот шприц ему в язык. Несмотря на мой энтузиазм, Максим даже не дёрнулся, когда я воткнула иглу в правый верхний квадрант бедра и ввела лекарство. Всё-таки лёгкая у меня рука.

— Ну и почему ты не послушала моего совета свалить отсюда? — поинтересовался он, поерзав на месте.

— Мне нужны деньги, чтобы оплатить учёбу в кратчайшие сроки.

— Как банально, — прокомментировал Барский, театрально громко вздохнув.

— Это жизненно. Большинство людей не живут так, как ты, — я воткнула в него следующий шприц. — Ты привык жить в роскоши и достатке, совершенно не зная, что такое труд, и как порой человеку непросто достаётся его мечта.

— Завидуй молча, — коротко засмеявшись, ответил он.

— Ни капельки не завидую. Мне тебя жалко.

Я почувствовала, как всё его тело напряглось от моих слов, но всё же продолжила.

— Ты заперт в своей золотой клетке и боишься высунуть голову. Туда, в реальный мир, узнать его изнутри. Познакомиться с настоящими людьми, которые живут моралью и...

— А ничего, что слепой? — процедил он сквозь зубы, перебивая меня.

— Готова поспорить, что ты жил в собственном коконе ещё до слепоты, — выплюнула я, медленно вкалывая третий витамин.

Но тут Барский быстро перевернулся на диване, схватил меня за запястье и, опершись коленями о диван, навис над мной. Я пискнула, почувствовав, как в ладонь вонзилась использованная игла с не до конца введённым лекарством, оторвавшись от самого шприца.

— Думаешь, меня окружают только фальшь и притворство? — его голос жесткий, почти стальной.

По позвоночнику пробежал неприятный холодок, когда Макс сдавил сильнее запястье, наклоняясь ниже. Я не знала, чего ожидать от человека, чья жестокость могла вырасти с

годами, и от этого стало по-настоящему страшно.

Его глаза были направлены чуть выше моей головы, но от этого становилось не по себе. В синих зрачках плескались вся злоба и яд, что он так долго копил в себе и, наконец, был готов вылить это наружу, подыскав подходящую жертву.

— Я ничего не думаю, — тихо произношу севшим от страха голосом, пытаюсь вывернуть руку из его хватки. — Мне плевать, как долго ты ещё собираешься здесь прятаться, ища себе жалкие оправдания.

— Жалкие? По-твоему, слепота слишком ничтожна? — он стал еще ближе так, что теперь его кудри касались моих щек, а вес его тела ощущался отчетливее.

— Люди живут с этим! — закричала, что есть сил, начиная барахтаться под мужским телом, вытянув руку с воткнутой иглой, надеясь, что та не сломается, и её кончик не останется в коже.

— Это не жизнь! — Макс повысил голос, и его начало трясти от собственной злобы. — И ты даже не представляешь, о чем говоришь.

— И представлять не хочу! Через два месяца меня уже здесь не будет.

Барский тяжело выдохнул, используя эту секунду, чтобы взять эмоции под контроль.

— Вот и не лезь ко мне, — потребовал он, опалая своим жарким дыханием мое лицо. — И больше не смей говорить, что тебе меня жалко!

Подавляя дрожь по всем теле, я наблюдала, как Барский попытался быстрее уйти из комнаты, передвигаясь по стенке, ощупывая мебель, делая маленькие шаги вперёд. И всё равно несколько раз споткнулся, ударяясь о ножку стола и задевая ковёр.

— Ты мне вообще-то иголку в руку воткнул, — упрекнула его я, ожидая хоть какое-то подобие извинения.

Максим остановился, находясь уже у самой двери. И, развернувшись ко мне с гадкой улыбкой на лице, произнёс:

— Не переживай, я не спидозный. Наверное.

Глава 5

Несмотря на то, что мне достался непростой подопечный с характером подростка в пубертате, я чувствовала себя самой ужасной сиделкой в мире. Макс заперся в своей спальне и не явился к обеду. В этот момент я не особо переживала из-за его отсутствия, так как считала, что рослое дитя переберется и вскоре выйдет. И это время потратила на знакомство с немногочисленным обслуживающим персоналом этого дома, который, в отличие от меня, не жил здесь, а лишь приходил на несколько часов выполнять свою работу. Поэтому большую часть времени огромный особняк Барских почти пустовал.

Время близилось к ужину, а Максим все еще ни разу не показал головы из своей комнаты. Одной бродить по дому мне казалось бестактным, но все же, шествуя по хорошо изученному маршруту спальня – кухня, я наткнулась на небольшую, но плотно заставленную книжными шкафами библиотеку и комнату с креслами, как в кинотеатре, и экраном во всю стену.

Я начинала сходить с ума не только от безделья, но и от беспокойства за Макса. А вдруг он что-то с собой сделал на эмоциях? Да нет, бред. Барский слишком любит себя, чтобы из-за какой-то сиделки наложить на себя руки. И все же, когда стрелка часов перевалила за восемь часов вечера, с пол-

ным подносом еды я направилась к комнате Макса.

— Я знаю, что ты меня слышишь! — притопнув ногой, вскрикнула я, разливая немного супа прямо на поднос.

Прошло уже около десяти минут, как я долбилась в закрытую дверь его спальни. Ни ласковые слова, ни уговоры, которые были вначале, ничего не действовало на этого упрянца. Я бы могла оставить все, как есть. Честно, мне все равно, ел ли он за сегодня хоть вообще что-то. Но что же я за сиделка такая, от которой прячется собственный подопечный? И за что тогда мне должны платить деньги, если я не буду выполнять свои обязанности, продолжая шататься по дому, словно приведение.

— Вообще-то, это я должна обижаться на тебя! Напоминаю, что по твоей милости использованная игла оказалась в моей ладони, — продолжала кричать в щель между дверью, думая, что так будет лучше меня слышно.

Это действительно были не шутки. Я не знаю, какой образ жизни вел Барский до своей слепоты, но что-то мне подсказывало, что не самый здоровый. Поэтому провериться все равно стоило. Только вот вирус проявится минимум через три недели, и раньше этого времени нет смысла сдавать кровь на анализ.

— Не хочешь ужинать, давай займемся чем-нибудь. Видела, что у вас тут свой мини-кинотеатр, — произнесла я и тут же стукнула себя по лбу, осознавая всю дикость своих слов.

Предложить слепому посмотреть фильм! Это же надо бы-

ло додуматься.

— Надеюсь, что это ваше чувство юмора, а никак не компетентность в уходе за незрячими людьми.

Я повернула голову на голос, что неожиданно раздался справа от меня. Мужчина средних лет в деловом костюме и со стойким запахом алкоголя кинул изучающий взгляд на поднос с едой в моих руках, а затем на меня.

— Я просто сказала, не подумав, — стала оправдываться, сжимая пальцами поднос сильнее от неловкости.

— Надеюсь, это не постоянная ваша черта, — мужчина хмельно улыбнулся, сложив руки в карманы брюк.

Меня затопило чувство возмущения от открытого хамства, только я так и продолжала стоять, прикусив язык, разглядев знакомые черты: те же темные выющиеся волосы, только коротко подстриженные, прям как у Макса в школе, и наглую ухмылку на лице, кричавшую о вседозволенности её обладателя.

— А вы...

— Антон Николаевич Барский. Отец этого упрянца, — он кинул взгляд на дверь, — и человек, платящий вам зарплату.

Он сделал многозначительную паузу, словно ожидал чего-то, продолжая буравить меня взглядом. Или этот мужчина ожидал, что после его слов я упаду ниц и буду целовать его начищенные ботинки?

— Знаете, Вика, — Антон Николаевич сделал шаг вперед.

— Виктория, — сразу же поправила я его.

— Конечно, — склонив голову набок, он чуть сузил глаза.
— Сумма в вашем договоре превышает десять прожиточных минимумов, и я бы хотел видеть, что вы полностью отрабатываете те деньги, что я вам плачу.

Сходство с сыном поражала. Это касалось не только внешности, но и того, с какой легкостью они могли оскорбить человека, чувствуя при этом собственное превосходство.

— Антон Николаевич, я как раз работаю над этим. Будьте уверены, я вас не разочарую.

Он глубоко вдохнул, и на его губах появился слабый намёк на насмешку.

— Вы уже меня разочаровываете, Виктория, — слова резанули, словно острый нож. — И знаете, я бы очень хотел...

В этот момент дверь в комнату резко приоткрылась, и из неё выглянула голова Макса.

— Где ты ходишь? Тебя только за смертью посылать, — его взгляд был направлен поверх наших голов, но он явно обращался ко мне.

Барский младший очень вовремя влез между мной и своим отцом. Но я ни капельки не понимала, о чем он говорит, и несколько долгих секунд ушло на обдумывание его слов. Не дождавшись моего ответа, Максим протянул руку вперед и, нащупав мое предплечье, рванул на себя, закрывая с хлопком за нами дверь.

В нос ударил стойкий запах сигарет, и от количества дыма начинали слезиться глаза. Комната была зеркальным от-

ражением моей: огромная незаправленная кровать, шкаф с открытыми дверцами, столик и два кресла.

Макс лениво прошел к кровати. Почувствовав ногой её край, прощупал рукой и, повернувшись, упал спиной на мягкий матрац.

— Через минуту можешь свалить отсюда, — равнодушно произнес он.

В этот момент словно яркая желтая лампочка загорелась над моей головой.

— Погоди, ты что... Только что спас меня от своего отца?

— Считаю это извинением за воткнутую иголку.

Я стояла, раскрыв рот от услышанного и от поступка Барского в целом. Да, он был с оттенком наглости, брезгливости и небрежного хамства, но все же... Это был поступок, который я не могла не заметить. В школе Максим палец о палец никогда не ударял ради кого-то, только для себя любимого. А извинения и вовсе были ему чужды.

— Зачем? Зачем ты помог мне?

Он пожал плечами.

— Наверное, просто устал слушать твои жалкие уговоры поесть и попытки отца тебя пристыдить.

— Спасибо, — сказала я, совершенно не подумав, и, наверное, точно рехнулась головой, раз решила благодарить Барского. — Я могу поставить на столик поднос с едой, съешь, когда захочешь.

— А кстати, что там у тебя? — спросил он, приподняв

голову.

— Сырный суп и круассаны с шоколадом.

— Эх, Марья Ивановна знает, чем меня задобрить, — протянул Макс, потягиваясь на кровати. — Так и быть, корми меня, — заявил он, садясь.

Я быстро захлопала глазами, переваривая его наглость.

— Еще чего! — усмехнулась я. — Ты уже не маленький.

— Ты хоть представляешь, как сложно попасть ложкой в рот, когда её не видишь? Я так весь суп расплескаю.

— У тебя было время этому научиться, — я прошла к столику и, поставив на него поднос с едой, сложила руки на груди, повернувшись к Максусу. — Это в твоих интересах себя накормить.

— Правда? А я думал, в твоих, чтобы подопечный не был голодным. Или все же стоит сказать отцу, что ты плохо справляешься со своими обязанностями?

А вот шантаж в лице Барского был тем, чему я совсем не удивилась. Не отойдя до конца от неприятного разговора в коридоре, я вздрогнула, но все же сдалась.

— Ладно. Только сначала мы тут проветрим все хорошенько.

Первая ночь в незнакомом доме. Закончив вечерние ритуалы, как обычно, оставила дверь в комнату открытой, надеясь, что никто её не закроет, и с утра я не начну задыхать-

ся от страха. С детской наивностью я произнесла про себя «Пусть на новом месте приснится жених невесте» и приготовилась к сладкому сну, с комфортом устраиваясь на самом мягком и удобном матрасе в изобилии подушек. Но сон и отдых мне только снились этой ночью. Такую тавтологию для себя уяснила, когда над головой раздался голос Барского.

— Хочу пить, — сначала звучало ненавязчиво, но с каждой секундой просьба превращалась в приказ, и громкий тон выдернул меня из сонного дурмана. — **ХОЧУ ПИТЬ!** Ты что там, спишь?

Заспанными глазами, но полными ненависти, я посмотрела на радионяню, что стояла на прикроватной тумбочке. У меня за стенкой точно ребенок.

Накинув сверху халат, в крошечной тьме я сначала побрела на кухню налить стакан воды, дабы утолить ночной сушняк своего подопечного. Да, наши спальни располагались рядом специально, чтобы в случае надобности его личная сиделка была под боком и пришла на помощь, только вот, чтобы исполнить хотелку Барского, мне пришлось пройти полдома.

В спальню Макса я вошла без стука, прекрасно зная, что он не спит и продолжает орать в радионяню, которая осталась в моей комнате. Его кровать была в полном хаосе: смятые простыни, что сложились гармошкой в ногах, скинутое на пол одеяло, как и несколько подушек. Он лежал в позе звезды, раскинув свои конечности в разные стороны, и напе-

вал что-то специально фальшиво, держа в одной руке радионяню. Максим тут же прекратил свои песнопения, услышав звук закрывающейся после меня двери.

— Держи, — я забрала из его рук адский прибор, который уже люто ненавидела, и вложила в них стакан с водой.

Вздохнула про себя с облегчением, увидев Барского в пижамных штанах с футболкой в клеточку, а не голым. Обнаженных ягодич при свете дня мне хватило. Макс сел у изголовья кровати и сделал маленький глоток.

— Это что, просто вода из фильтра? — спросил он, подняв одну бровь.

— Да, самая обычная вода.

— Нет, я хочу прохладную, — закапризничал Барский, протягивая мне обратно стакан. — Теплой водой невозможно напиться.

— Хорошо, — раздраженно выдохнув, произнесла я.

И снова бесконечный путь до кухни. На мое счастье, в холодильнике оказалась вода, и, надеюсь, она была той самой температуры, которую так жаждет его величество.

— Вот, — я вручила ему новый стакан.

С самодовольной улыбкой он аккуратно, чтобы не разлить воду, преподнёс его к губам, отпивая.

— Она без газа? — поморщившись после глотка, спросил он. — Я пью только с газом, — заявил он, отвергая труд моих ночных блужданий по огромному дому.

— Ты же просто издеваешься надо мной! — воскликнула

я, буквально выдергивая стакан из его рук, немного расплескав ему на бедра. — Почему ты сразу не сказал, что хочешь прохладную газировку?

— А ты не спрашивала, — спокойно сказал он, заводя руки за голову. — Это будет тебе уроком.

Показав ему средний палец и надеясь, что за то, что я воспользовалась его слепотой, меня не ударит молния, я вновь направилась на кухню.

Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу.

Глава 6

Когда мне было лет восемь, мама подарила мне на день рождения книжку «Красавица и чудовище». Эта сказка стала моей любимой, и остаётся ею до сих пор. В отличие от других девочек, меня не впечатлили волшебная история любви или прекрасное перевоплощение принца. Меня восхищала главная героиня – простая девушка, что смогла разглядеть даже в самой темной душе лучик света, превращая его в настоящее солнце. Да, именно её вера и любовь помогли чудовищу обрести человеческий образ.

За мои двадцать семь лет мне повстречалось немало таких «чудовищ». Но ни одного из них я не надеялась превратить в прекрасного принца, вразумив его своими пламенными речами о добре и зле. В жизни такого не бывает, а сказки должны все-таки оставаться сказками.

И все же, возможно, глупо и наивно, но я все-таки пыталась разглядеть даже в самом пропащем и озлобленном на весь мир человеке хоть что-то светлое. Если это сделала Красавица, то почему не могу и я? И вот, спустя столько лет, судьба свела меня с человеком, что был моим детским кошмаром и источником психологических травм, и вчера вечером неожиданно открылся для меня совсем с другой стороны.

Барский мне помог. Да, он сделал это не без собственной

выгоды. И все же этот момент не получалось выкинуть из головы.

Рано утром Максим со Светланой Дмитриевной поехали на прием к очередному специалисту. Вполне ожидаемо Барский от моей помощи и сопровождения отказался.

Прошло чуть больше двух часов, как из коридора я услышала знакомое шарканье. Максим перемещался по дому на ощупь, делая маленькие шажки, почти не отрывая стопу от пола, руки вечно блуждали по стенам и дизайнерским предметам интерьера, что так любит скупать его мать. Он хорошо ориентировался и передвигался по дому, в котором вырос, воспроизводя в памяти, что и где находится, поэтому его можно было понять, почему он так бесился, если появлялось что-то новое, или какую-то вещь переставляли на другое место.

Но я никак не могла предположить, что причиной очередного скандала будет открытая в мою спальню дверь.

Я погрузилась с головой в книгу, как вдруг услышала грохот, а следом - парочку крепких ругательств. Подняв голову, я увидела Барского, стоящего на коленях на пороге моей комнаты. Одной рукой он опирался об пол, а второй схватился за нос.

— Дьявол, — шипя от боли, пробурчал он в кулак.

— О Боже! — я подлетела к нему, упав на колени, пытаюсь рассмотреть его лицо на наличие крови. — Как ты?

— Какого черта у тебя открыта дверь? — прорычал Макс,

отворачиваясь от меня.

Холод школьной кладовки неприятно мазнул по коже. Лишь на мгновение, но этого было достаточно, чтобы страх начал разливаться по венам. Я принялась считать до десяти, пытаюсь успокоиться.

— Мне... Так спокойнее, — проямлила, отгоняя голоса прошлого.

— Идиотка, — прозвучало сквозь стиснутые зубы. — Из-за тебя я налетел носом на косяк.

— Дай посмотрю, — я потянулась к нему руками.

— Отвали, — огрызнулся он, медленно поднимаясь, нащупывая опору.

Барский ушел, а я еще несколько минут просидела на полу, усмехаясь собственной мысли о том, какие же мы с ним разные. В то время как я обращаюсь к Богу, он же вспоминает дьявола.

Я нашла его в гостиной, раскинувшегося на диване: ноги широко расставлены, голова запрокинута назад, а глаза прикрыты. Мне не хотелось находиться с ним рядом и будить лиху, пока оно тихо, но обязанности, о которых намекнул Барский старший, давили на мои хрупкие плечи.

— Что сказал врач? — спросила больше из вежливости, чем из интереса, проходя в комнату.

Его грудная клетка медленно поднялась и резко опустилась с громким, уставшим выдохом.

— Что в слове «отвали» тебе непонятно?

— Хорошо, — равнодушно ответила я и принялась раскладывать на столике рядом с диваном мазь, ватные диски и влажные салфетки.

— Что ты делаешь? — спросил Барский, не поднимая головы.

— Готовлюсь к процедуре, — невозмутимо ответила я, продолжая.

— Ты не отвяжешься, да?

— Нет. Вчера твой отец ясно дал понять, что не собирается просто так мне платить деньги. И знаешь, он прав. А теперь, будь добр, сядь ровно, чтобы я смогла сделать тебе массаж век, и чем быстрее начну, тем скорее оставлю тебя в покое.

Поразмыслив несколько секунд над моими словами, Барский, кряхтя, словно старик, приподнялся, выровнял спину и запрокинул голову назад.

Двумя пальцами я черпнула из темной склянки немного белой мази. Она была очень густой и имела ненавязчивый травяной запах. Едва растерев её между пальцами, я почувствовала, как мазь начала нагреваться и чуть-чуть плавиться, образуя на коже пленку.

Руки слегка подрагивали от понимания, что мне снова надо будет прикоснуться к Барскому. Сделав три быстрых вдоха, я решительными шагами направилась к дивану и остановилась только тогда, когда колени уперлись в мягкую обивку.

Слишком близко. Только к этому придется привыкать, потому что такие массажи моему подопечному прописаны два раза в день.

Мизинцами я аккуратно убрала мешающие кудряшки с глаз и обратила внимание на небольшую горбинку на носу, что покраснелась от удара о дверь, и невольно задержалась взглядом на острых скулах. Поймав за хвост шальную мысль, которая хотела посчитать Барского красивым парнем, указательными и средними пальцами почти невесомо дотронулась до его век. Подушечками я немного надавливала на глаза, совершая круговые движения, надеясь, что все делаю правильно. Инструкция к этой мази была короткая: круговыми движениями растереть мазь на веках, а после медленно провести от переносицы в сторону уха десять раз. Судя по тому, что было это написано ручкой на обрывке листка, мазь была явно не аптечного производства, а какой-нибудь знахарки из глубинки.

— Ты мог бы избавиться от моего общества и делать такие массажи себе сам. Это же нетрудно.

— Я не буду сам заниматься этой хероборой. Мне лень,
— ответил Макс.

Похоже, что он и сам прекрасно понимал, что эта мазь явно не вернет или просто хоть на каплю не улучшит его зрение. Это радовало. Но и навевало на мысль, что Барский соглашался на эти процедуры ради спокойствия матери.

Его тело постепенно стало расслабляться, а напряжённые

плечи опустились.

— Он сказал, что я притворяюсь, — вдруг сказал Барский, когда я закончила делать круговые движения по векам.

— Кто?

— Шарлатан, к которому мать меня сегодня повезла.

Я успела взять еще немного мази из баночки, как замерла от его слов.

— Почему он так посчитал?

— Результаты всех обследований, что я прошел в его клинике, не выявили ничего, что было бы как-то связано с этим, — он показал пальцем на глаза.

Я попыталась представить, каково это, когда очередной врач в очередном центре не может объяснить или найти причину твоей слепоты. Думаю, что это разрушает тебя по кусочкам, отнимая с каждым разом все больше и больше надежды на решение проблемы. И страшно представить, что будет, когда от тебя не останется ничего, кроме пустоты.

— Молчишь, — подметил Барский, когда между нами уже продолжительное время повисло молчание. — Наверняка жалеешь меня... — Он плотно сжал челюсти.

— Просто думаю о некомпетентности врача, — произнесла мысли вслух, сама себе удивляясь, что даже в своей голове я действительно его не жалела.

Мои слова позабавили Макса, и он коротко ухмыльнулся, приподнимая один уголок губ.

— У него в кабинете и от его рук жутко воняло чесноком.

Считаю, что если тебе платят нехилые бабки, то от тебя за километры должно нести Диором, ну или хотя бы, как от тебя, ежевикой.

Я отдернула от него руки так быстро, словно его слова ошпарили меня. Стоя так близко к Барскому, я не задумывалась о том, что он мог уловить аромат моих любимых духов и вообще начать изучать меня так, как может. Пусть и зрительные рецепторы были ему недоступны, зато другие, видимо, работали на двести процентов, потому что сегодня я еще не успела воспользоваться духами.

Это было неловко. Очень неловко...

Легкая улыбка в миг пропала с его лица, принимая хмурое выражение, как только я сделала шаг назад.

— Мы закончили, — объявила я и начала тщательно вытирать пальцы влажными салфетками.

— Что ж... — протяну он, снова откидываясь на спинку дивана. — Видимо, твои руки не совсем из задницы растут, раз мои глаза все еще при мне.

Отрезвляющий укол хамства разрезал ту неловкость в воздухе, что вдруг образовалась между нами.

— Могу нанести еще мазь от ушибов на твой нос, — предложила я, наблюдая, как Макс открыл глаза, скорее по привычке, и те сразу же уставились в пустоту.

— Мне плевать, как я выгляжу, — поморщившись, ответил он. — И что ты там читала, что понадобилось раскрывать дверь?

Мои глаза распахнулись от шока.

— Откуда ты знаешь?

Если бы он мог закатить глаза, и это имело смысл, то Барский обязательно бы этот сделал, а так он просто показательно громко цокнул, словно я спросила какую-то глупость.

— У слепых обостренный слух и нюх. Я слышал шелест страниц, когда шел по коридору.

— Оу, — все, что могла сказать я, надеясь, что его суперслух все же не дойдет до моей комнаты через стенку. — Я читала «Красавицу и Чудовище», — отвечаю честно, не видя в этом ничего зазорного.

— Это сказка которая? — в его голосе слышатся брезгливые нотки.

— Ну да.

— Тебе что? Пять? — спросил он, давясь от смеха, а я лишний раз убедилась в том, что этому человеку нельзя рассказывать ничего личного, и мой болтливый язык до добра не доведет.

Я могла бы продолжить нашу беседу, начав спор, что сказки учат не только детей, но увидела, как Макс повернул голову в сторону двери, а вскоре и сама услышала шаги.

Дверь раскрылась, и в комнату вошла Светлана Дмитриевна в сопровождении красивой рыжей девушки. Простое однотонное платье цвета слоновьей кости обтягивало каждый сантиметр её идеальной фигуры, а особенно грудь, на которую не получится не обращать внимание, если видишь *та-*

кое. Интересно, она настоящая?

— Сынок, у тебя гости, — радостно произнесла его мама. Барский сжал ладони в кулаки.

— Здравствуй, Макс, — нерешительно поздоровалась девушка, делая шаг в нашу сторону. — Это я... Кристина.

Глава 7

Максим

Раздражённо я принялся напевать у себя в голове песню, желая убраться подальше и забиться в какой-нибудь угол, где никто не будет доставать своими глупыми расспросами.

Почти невесомые прикосновения к моим векам прервали всякий ход собственных мыслей, заставляя сконцентрироваться на девичьих пальчиках, что так несмело, но старательно массировали мне веки.

Так называемых сиделок, а точнее надзирателей, у меня было много. В основном это были женщины средних лет с большим багажом знаний работы с инвалидами самых разных групп, и каждая считала себя профессионалом своего дела, заливая в уши матери, что справиться со мной не составит никакого труда.

Я намеренно вёл себя хуже капризного ребенка. Желая лишь одного - избавиться ото всех и остаться одному. Женщины бальзаковского возраста не смогли меня долго терпеть. Ожидаемо и предсказуемо. Хотя некоторым хватало наглости требовать компенсацию за моральный ущерб. Были совсем юные девицы, что сбежали из этого дома сразу же после первого теста с ночной водой. Да, моя фантазия была не безгранична, и приходилось повторяться. Только вот эти спектакли начали надоедать и мне самому...

Не знаю, что выбило из меня весь настрой и силы избавиться от очередной проблемы, что будет вечно шастать за мной по пятам, угнетая своей опекой. Может быть, последней каплей стал сегодняшний ответ специалиста-идиота.

Во что-то верить и надеяться почти не осталось сил. Было только крепкое желание напиться где-нибудь в одиночестве.

В последнее время приходилось часто терпеть присутствие людей в моём личном пространстве и их руки на своём лице. Зачастую массаж проходил молча. Достаточно грубые надавливания шершавыми руками или почти неощутимые и бестолковые, что даже мазь не успевала впитаться в кожу, продолжались ровно полторы песни.

Но *эти* прикосновения заставили меня сбиться со своего личного счётчика. Казалось бы, ничего особенного: равномерно и неторопливо женские руки втирали мазь в веки, регулируя силу давления. Но это стало даже... Приятно.

А ещё был её запах - сладкая ежевика. Шлейф духов еле ощущался и был не таким ярким, как при самой первой нашей встрече. Возможно, я воспроизвёл его по памяти, но отчётливо ощущал сейчас вкус спелой ягоды на языке.

Похоже, я сломался, раз так разоткровенничался, но ничего не мог с собой поделать.

Я просто реально устал.

Устал от отсутствия нормального общения, от ограниченного круга людей, затворничества и... Просто устал так жить. Потому что и жизнью это сложно было назвать. Существо-

вание - верное определение.

Желание напиться стало ещё ярче.

— Это я... Кристина.

Этот голос я узнаю из тысячи, и его хозяйке не нужно было тратить силы на представление. Я слишком хорошо его знаю: всевозможные оттенки и тембр. Как он звучит, когда она смеется, плачет, просто рассказывает мне нудятину повседневного дня, или же когда стонет, прыгая на чужом члене. Причем последнее помню отчётливее всего.

Сука. Самый подходящий момент провалиться сквозь землю или слиться со стеной.

— Максим, — услышал свое имя её голосом. — Мы можем поговорить? Наедине, — Последнее слово она произнесла с нажимом и явным намеком, смотря то ли на мою сиделку, то ли на мать.

Первый раз в жизни мне не захотелось оставаться одному. Меня внезапно захлестнули эмоции двухлетней давности, которые я так старательно закапывал в себя подальше.

Я услышал возню рядом с собой. Похоже, что Виктория собирала вещи со стола, и уже вскоре её мягкие шаги были уже где-то около двери, которая закрылась с громким ударом, оповещая о том, что я остался наедине со своей бывшей.

Так по-идиотски себя давно не чувствовал. Я не знал, в какой стороне находится Кристина, чтобы хотя бы правильно повернуть голову и не выглядеть настолько жалко и убо-

го, продолжая сидеть на одном месте, пялясь в одну точку.

— Как ты? — она первая решилась нарушить гнетущую тишину.

— Цвету и пахну, — губы расплылись в самой приторно-фальшивой улыбке, на которую я только был способен.

— Твоя мама сказала, что ты проходишь лечение, — она мягко опустилась рядом на диван.

Это было достаточно близко, чтобы я мог чувствовать исходящее от неё тепло и дорогуший парфюм, в названии которых я никогда не разбирался. Но в её выбранных духах всегда была адская смесь, которая оставляла за собой шлейф, что еще сутки выветривался. Это было одной из причин, почему в первые несколько дней после несчастного случая я пребывал в состоянии истерики. Новость о слепоте, конечно, была самой главной, но еще меня раздражал её запах на мне. Им пропитались моя одежда, вещи и я сам. Хотелось скрести по коже наждачной бумагой, лишь бы скорее лишить себя любых напоминаний об этой суке.

— Я прохожу его уже два года. И не лечение, а лишь обследование, — произнес я сквозь зубы, не понимая, к чему вообще весь этот разговор. — Зачем ты пришла?

— Хотела узнать, как у тебя дела.

Я не удержался от громкого хмыка.

— Тебя это не интересовало два года. Что изменилось сейчас?

— Не обязательно вести себя сейчас как последний кре-

тин, — чуть повысив голос, сказала она.

Кристина всегда была вспыльчивой, даже импульсивной. Во всем. Но когда-то мне это нравилось.

— Не обязательно было искать чужой член. Если тебя что-то не устраивало в постели, могла просто ска...

Договорить я не успел, так как щеку обдало жаром от шлепка по щеке.

Мы не обсуждали с Крис произошедшее. Меня нашли она и её любовник на полу первого этажа. Не знаю, как быстро. Может, они услышали грохот, а может, я провалился как-кое-то время, ожидая окончания секс-марафона. Моя бывшая девушка душой не была и прекрасно поняла, что я все видел.

Поэтому сейчас беречь старые раны оказалось куда больнее, чем я думал.

— Какой же ты все-таки... — она втянула ртом воздух, резко встав с дивана. — Думала, ты повзрослел за это время.

— Я никогда не оправдывал твоих ожиданий. И чего ты вообще хотела от этой встречи? — я попытался правильно повернуть голову в сторону её мечущихся быстрых шагов где-то справа от меня. — В жизни не поверю, что ты решила вернуться ко мне.

— Не говори ерунды. Зачем мне слепой?

Ожидаемо. Но почему-то все равно неприятно кольнуло в области глупого органа под названием сердце.

— Ты должна быть во Франции, — постарался как можно

более равнодушно сказать.

Я и забыл на какое-то мгновение, что пока тут жил в полной темноте, которая не хотела меня отпускать, и вел затворнический образ жизни, выходя из дома только на прием к врачу, там, за стенами, продолжалась обычная жизнь. Мне вдруг захотелось узнать, что изменилось за эти годы, и что нового у моих друзей. И поговорить с кем-то. Нормально.

— Вернулась месяц назад. Не смогла я ... с ним.

— Почему?

— Он хотел семью, — чуть замешкавшись, ответила Крис.

— А ты?

— А я хотела её только с тобой. Но ты...

— Не смей! — закричал я во все горло, подаваясь вперед.

Я вцепился со всей силой пальцами одной руки в мягкий подлокотник.

Её упрек, хоть и был до конца не озвучен, но я все равно понимал, что она хотела сказать, был не просто солью на рану, а раскаленную иглой, что воткнули быстро и без предупреждения.

— Не смей, слышишь! Это было твое решение, и только твое!

— Не делай из меня дуру! Ты сказал, что не готов сдать отцом, — напомнила она мне мои же слова, после которых наши отношения полетели снежным комом с обрыва.

— Но и не просил тебя делать аборт! Ты сама приняла это решение!

— Ты – чудовище! Я избавилась от этого ради нас!

— От этого... — повторил за ней эхом, ухмыляясь. — Даже язык не поворачивается назвать «это» ребенком?

— Макс, ну что бы нас ждало? — начала Крис после долгой паузы. — Вечно взвинченная я, погрязшая в пеленках, и вечно пьяный ты, приходящий уставший с работы в компании своего отца? Мы не так привыкли жить. Вся эта бытовуха сожрала бы нас без остатка. И к чему бы мы пришли?

— А что, мы пришли к чему-то лучшему? Ты мне, блять, изменила!

— Это ты меня до этого довел! Я была тебе не нужна. А Кирилл помог мне снова почувствовать себя любимой, желанной и живой...

Мне не нужно было это видеть, но я точно знал, что сейчас шедшая Кристины покрылась красными пятнами от нервов. Так случалось каждый раз во время наших скандалов.

— Я боялась тебя потерять, — всхлипнув, ответила она. — Думала, что буду тебе не нужна и... — слезы начинали её душить, и женский голосок с каждым словом срывался все больше. — Знаешь, наверное, ты прав. Я зря пришла. Просто хотела закрыть гештальт, и мне просто стало тебя жалко...

Я схватил первое, что нашупал на столике рядом. Кажется, эта была какая-то вазочка с фруктами, и швырнул её в стену, противоположную той, где стояла Кристина.

— Уходи, Крис. Просто уходи.

Быстро цокающие каблучки тут же направились в сторону

выхода.

Желание напиться уже было невозможно подавить.

Глава 8

Виктория

Если Гензель и Гретель оставляли после себя хлебные крошки, чтобы найти дорогу обратно, то осколки от разбитых бутылок и разлитый алкоголь было последним, что я хотела видеть на своем пути, ища по всему дому Барского.

Я не обнаружила его в гостиной, где оставляла наедине с некой Кристиной, которую он явно не желал видеть. То есть слышать. Поспрашивав у прислуги о местонахождении беглеца, и мне указали на кухню. Но и там его не оказалось. Зато раскрытый холодильник и всевозможные шкафы с вываленным на пол их содержимым говорили о том, что Макс явно здесь был, и не в самом лучшем расположении духа. Мои бродилки по дому продолжались чуть больше часа, пока я не решила раз в пятый проверить спальню Барского на наличие в ней её хозяина.

Я услышала его голос, еще даже не успев завернуть за угол: громкий и определенно пьяный. Он небрежно растягивал, а точнее, кричал слова иностранной песни.

Лучше бы я этого не слышала. И не видела.

Барский сидел ко мне спиной в проеме моей спальни на полу, раскинув ноги в разные стороны. Он был ужасно пьян. Запах алкоголя, что стоял в коридоре, пропитал собой каждый куб воздуха, и казалось, что, если хоть немного впустить

его в свои легкие, можно охмелеть самому.

Как же мне не хотелось со всем этим разбираться. И я даже подумала о том, чтобы наглым образом сбежать, сделав вид, что так и не нашла своего подопечного, и отправиться дальше на его поиски в бесконечные розовые сады.

— Я тебя слышу, — внезапно прохрипел Барский, опустив голову вниз.

Мне хотелось застонать в голос от развернувшейся перед моей спальней картины, когда я подошла к Максу ближе и встала к нему лицом. Две или три бутылки со спиртным было разбито (сколько точно, трудно было понять по большому количеству стекла), а их содержимое разлилось по полу, окрашивая его в винные цвета.

— Как ты догадался, что это я? — спросила, присаживаясь рядом и стараясь не задеть месиво из стекла и жидкости.

— Твои шаги, — пробубнил он, тяжело поднимая голову и ударяясь затылком об дверной косяк. — Такие легкие, — Макс смешно провел по воздуху пальчиками, будто играл на пианино, — и неторопливые. У матушки шпильки. У горничных невысокий каблук. Ты одна ходишь на плоской подошве.

Его замечания, казалось бы, такие незначительные, но все равно не переставали меня удивлять, даже восхищать. И немного пугать. Не хотелось бы, чтобы даже по таким мелочам Макс меня изучал. Всегда есть шанс быть раскрытой. Конечно, я больше себя успела накрутить, ведь в школьные

годы духами не пользовалась, а обувь без каблуков носит каждая вторая девушка.

— Сделай с этим что-нибудь, — потребовал мой подопечный, вытянув руку вперед ладонью вверх.

На подушечках слегка подрагивающих пальцев были небольшие осколки стекла, как и в самой ладони, а тоненькие струйки крови стекали вниз, к запястью, уже по засохшим дорожкам.

Я мысленно начала ругать себя за случайно оставленную открытой дверь в свою спальню. Не закрывать дверь, когда я нахожусь внутри, стало для меня привычкой, выработанной годами, но сейчас же это была просто оплошность, которой доставила себе только больше проблем.

— Пойдем, я обработаю раны.

Пальцами я обвила Барского за запястья, потянув на себя, помогая встать. Но он все равно умудрился вырвать здоровую руку и захватить с собой уцелевшую бутылку, нащупав её рядом со своим бедром. Медленно, стараясь обходить осколки и пролитый алкоголь, но мы все же дошли до его спальни, а там уже и до ванной, где хранилась аптечка.

Похоже, эта комната была одной из его самых любимых. Если в спальне было все довольно сдержанно и просто, то тут все кричало о роскоши: повсюду серо-белый мрамор с золотыми нитями в рисунке, душевая, джакузи и огромное зеркало во всю стену.

Я облокотила пьяное тело о шкафчик, ища пока все нуж-

ное для обработки. Макс времени не терял и, как только почувствовал опору, сразу же начал прикладываться к бутылке.

— И все-таки ты глу-па-я, — проговорил он по слогам с хмельной улыбкой на лице.

Наверное, за много лет у меня выработался иммунитет к обзывательствам и унижениям Барского, что от его слов ни один мускул на лице не дрогнул.

Я подняла за запястье его руку, что безвольно болталась вдоль тела, и принялась вытаскивать пинцетом острые осколки.

— Заметь, я единственная, кто может оказать тебе сейчас первую помощь. И на твоём месте я бы сто раз подумала, прежде чем меня обзывать.

— Это констатация факта, — сказал он, отмахнувшись, и чуть поморщился, когда я вытаскивала осколок, что успел глубже остальных просесть в кожу. — Ты же оставляешь почему-то дверь открытой, хотя знаешь, что я передвигаюсь, держась за стены.

— Твоя мама сказала, что у тебя есть трость.

Макс фыркнул и коротко рассмеялся.

— Я лучше сдохну, чем возьму эту палку в руки. Тем более как бы с ней я утащил столько бухла в свою комнату?

Не знаю, что так его вдруг развеселило и разболтало, но отсутствие стекла в ладони явно придало ему уверенности.

Макс был высоким молодым человеком. Еще в школе он отличался своей долговязостью, но тогда это смотрелось

странно, как и у большинства подростков в целом.

Но мне показалось... Нет, мне определенно показалось то, что Барский сделал маленький, но все же шаг ко мне и чуть ссутулил плечи, став немного ниже. Если раньше моя макушка едва ли могла достать до его подбородка, то теперь его рот был на уровне моего лба.

Он сделал протяжный вдох, подавшись вперед еще чуть больше.

— Так ты и не дотащил, — подметила я и постаралась вложить в голос как можно больше спокойствия, хотя у самой бегали мурашки по позвоночнику.

Закончив с осколками, я еще раз осмотрела ладонь и, смочив вату антисептиком, начала обрабатывать ранки.

— М-да, хреново, — заключил Макс, делая очередной глоток, и я невольно проследила, как дернулось его адамово яблоко. — И что, ты даже не спросишь, почему я решил напиться?

— Мне все равно. Ты взрослый мальчик, и это твое решение.

— А ты мне начинаешь нравиться, — неожиданно заявил он. — Прошлые сиделки вечно забирали у меня алкоголь, что так непросто, между прочим, найти, будучи слепым.

Удивительно, как Барский сейчас принимал мою помощь и даже не пискнул о том, что ему могло быть больно, или он устал держать руку на весу, пока я тщательно перевязывала бинтом ладонь, закрепляя его на запястье.

— Ясно, — равнодушно ответила, увлеченная своим занятием.

— Ой, да ла-адно. Давай поболтаем.

Макс вывернул ладонь в моих руках, и теперь он держал меня за запястье, крепко сжимая его.

Из легких вырвался раздраженный громкий выдох.

— Тебя всегда тянет поговорить, когда ты пьян? — запротестовала я, приподняв подбородок, чтобы посмотреть на него, и увидела такую знакомую нахальную улыбку чеширского кота. Прошла долгая секунда, за которую он явно успел что-то придумать, и с еще более довольным видом склонил голову вперед.

Это было близко. Еще ближе, чем с утра, когда я делала ему массаж, и это явно переходило все рамки каких-либо норм в общении со своим подопечным. И все же... у него красивые глаза насыщенного цвета моря, где сейчас стоял полный штиль, не выражая и грамма тех чувств и эмоций, на которые способен их владелец.

— Да, — сказал он, выдохнув воздух с ароматом алкоголя мне прямо в лицо. — Это одно из моих положительных качеств.

Его слова отрезвили, выводя из странного помутнения. Похоже, я все же охмелела, практически дыша с ним одним воздухом ванной комнаты. Мои глаза закатились от такой самоуверенности, и хорошо, что Барский этого не видел.

— Окей... — нехотя согласилась я, выдергивая свою руку.

— Зачем в ванной такое огромное зеркало?

— Трахаться в джакузи — один из моих фетишей, и я любил на это смотреть со стороны во время процесса, — без капли смущения и с большим энтузиазмом сказал Барский, делая глоток из бездонной бутылки.

— Вот и поговорили, — хотелось пробурчать про себя, но получилось вслух.

— Ты просто ханжа. Да и в целом странная со своими сказками и чертовой дверью.

— Да что ты к этой двери привязался? — повысив голос, воскликнула я.

— Задел за живое? — Макс с интересом склонил голову чуть в бок, явно радуясь, что нащупал что-то стоящее.

— Это личное.

— А значит, очень интересное.

— Тем не менее, я закончила, — тихо произнесла я, складывая все используемое обратно в аптечку и наблюдая, как медленно опускалась раненая рука Макса, которую он все это время продолжал держать на весу. — А тебе лучше лечь спать, ну или, по крайней мере, не выходи из своей комнаты, чтобы нигде больше не пораниться.

— Ага, — кинул он равнодушно, съезжая спиной вниз по дверке шкафчика и садясь на пол. — Выпей со мной.

— Вынуждена отказать. Я же на работе.

— Ты моя сиделка. Вот и посиди со мной, — настаивал Макс, продолжая уничтожать алкоголь. — Я расскажу, из-за

чего напился, а ты мне - про свой пунктик.

— В отличие от тебя, у меня нет желания рассказывать о своих слабостях, — сказала я, не подумав, и заметила резкую перемену в настроении Барского.

Хмельная легкая улыбка тут же исчезла с его лица, делая черты более острыми и грубыми. Даже плечи, и те стали напряжёнными. Максим чуть подался ими вперед, сгорбив спину, и сделал один большой глоток из горла.

— В твои обязанности и вправду не входит слушать мой пьяный бред, так что можешь валить.

Посмотрев еще несколько секунд на морально истощенного человека, что пытался восполнить это вином, я захотела уйти подальше и остаться в этой комнате с огромным зеркалом одновременно.

Нет, нужно уходить. Ничем хорошим это закончится.

— Просто... — начал неуверенно Макс, когда я уже успела коснуться дверной ручки, — я так давно ни с кем не разговаривал, — произнес он тихо.

Я все еще не испытывала к нему жалости, но вот что такое чувствовать себя одиноким, было мне знакомо. И это чувство разбередило что-то внутри.

— Ну, рассказывай, зачем ты устроил такой погром на кухне? — спросила я, присаживаясь рядом с ним на пол.

Глава 9

Никогда не думала, что окажусь на полу ванной комнаты со школьным врагом. Я на собственной шкуре познала, что значит быть публично униженной и оскорблённой по инициативе одного мудака из класса, когда была в буквальном смысле облита отбросами, потому что, по его мнению, мне место на помойке, а не среди них - элиты.

Когда мне было одиннадцать, я решила поучаствовать в конкурсе, что объявила одна из самых лучших, синоним – дорогих, школ нашего города. Преимущественно там действительно учились детишки непростых родителей, которые имели как минимум один бизнес.

Если их пребывание в элитной школе было гарантировано деньгами, то я смогла туда попасть исключительно с помощью своих мозгов, выиграв бюджетное обучение до одиннадцатого класса. Аттестат об окончании этой школы открывал дороги во все университеты даже без предварительных экзаменов и давал неплохую скидку на весь год обучения. Экзаменов я не боялась, а вот в денежном плане были проблемы, так как родители просто не смогли бы мне оплатить полную стоимость.

Меня невзлюбили сразу же, стоило появиться в новом классе. Взгляды свысока и шутки про бедных и несостоявшихся родителей полились в первые пять минут. Неприятно,

но терпимо. Тем более родителями я гордилась. Оба были врачами, просто работали не в частной клинике с денежными клиентами, а в обычной городской поликлинике.

Барский сразу же обозначил меня объектом для всеобщих насмешек и развлечений. И уже на второй день, когда я переступила порог класса, мне на голову опрокинулось ведро с помоями. Я не видела ничего вокруг из-за слез, застилающих пеленой глаза, но гадский смех Макса в этот момент запомнила на всю жизнь.

А сейчас этот человек протягивает мне бутылку, предлагая разделить с ним вино, ни капли не брезгуя этим. А поступил бы он так же, зная, что я и есть та самая девочка-мышь, которой он придумал прозвище вместе со своими друзьями?

Я приняла алкоголь. Немного наклонила бутылку взад-вперед, создавая звук плещущегося вина, что уже было практически на дне, будто бы сделала глоток, и вернула обратно.

— Моя бывшая подружка... Невеста-а, — высокопарно протянул Макс, пригрозив кому-то указательным пальцем, — решила меня сегодня навестить. Наверное, чтобы потешить свое эго. Увидеть, что у меня по-прежнему все хреново.

— Девушка выглядела, — я набрала в грудь побольше воздуха, вспомнив, какой красивой она была, и её выдающиеся способности, что бросались в глаза, — весьма миролюбиво. Но я слышала крики.

— Хотелось, чтобы как у всех, — продолжил Макс, совершенно меня не слушая. — Ну, знаешь... Дом, машина, жена, что ждет тебя с работы, приготовив вкусный ужин, и встречает у двери. Желательно голая, — добавил он, усмехнувшись.

— И что пошло не так?

— Все полетело к чертям, когда она мне показала тест на беременность.

— Вы разошлись, потому что не готовы были стать родителями?

Барский отрицательно мотнул головой, и, кажется, ему понадобилось несколько секунд, чтобы собраться с мыслями.

— Клубы, тусовки — все это приелось. Решил взяться за голову и пойти работать в строительную фирму отца, а то диплом архитектора уже покрылся пылью. Папаша решил пустить меня по всем кругам ада, проверить на прочность и посмотреть, чего я стою, и доказать другим, что его сынок не просто так буду просиживать кожаное кресло в офисе. Приходил домой около полуночи, но вместо теплого ужина меня ждала лишь холодная постель, потому что Крис еще не вернулась с вечеринки. Пуф! — он взмахнул руками вверх. — И мечты рассыпались.

Я смогла подавить рвущийся наружу смешок, глядя на пьяного Макса. Его язык уже еле поворачивался, и речь давалась ему с трудом, но, судя по активной жестикуляции, он

сдаваться не собирался, пока не расскажет все до конца. Барский сделал глоток вина, видимо, чтобы смочить горло.

— Как-то я вернулся домой еще позже обычного и застал Крис рыдающей в нашей постели. В её руках был тест на беременность, и вокруг разбросаны штук пять таких же. Все положительные, — голос звучал тихо, и казалось, что Макс в этот момент перенесся туда, видя в своей голове флэшбеки того вечера. — Все, что смог сказать тогда, что я не готов стать отцом.

Барский говорил медленно, откинув голову назад и прикрыв глаза. Ему было больно, настолько больно, что он пытался что-то сказать мне через силу, открывая рот в немой мольбе, а потом закрывал его, щурясь, словно пытался прогнать плохие воспоминания.

— Я не знал, что мне делать. Это же ребенок! Такая ответственность! Я пытался изменить свою жизнь постепенно, но ребенок! — в очередной раз воскликнул он так громко, заставляя меня содрогнуться. — Он меняет все и сразу, — его ладони сжались в кулаки. — Мы не разговаривали с Крис уже два дня. И в тот день, пока я был в офисе... это как щелчок. Я понял, что все смогу. Было страшно, но... Я справлюсь. Мы справимся, — говорил он, тяжело дыша. — Сорвался с работы, купил в Детском мире всякой лабуды. Ну, знаешь, пеленальный столик, погремушки, попытался даже собрать дома кровать сам, — усмехнувшись, сказал Барский. — Время близилось к десяти вечера, а Крис все не бы-

ло. Я долго звонил ей, но она сбрасывала вызов, а потом прислала фото больничной палаты и подпись «Я решила проблеме».

Уже было не смешно. Было страшно смотреть, как подрагивали руки Макса, пока он все это рассказывал, и как его лицо искажалось в гримасе боли, будто прямо сейчас его грудь пронзают раскаленной кочергой. Но глаза... Глаза оставались все так же эмоционально мертвы.

— Я не знал, как тогда к этому относиться: радоваться или сердиться на неё за это решение, которое она приняла в одиночку. Да я до сих пор не знаю, как к этому относиться, но то, что, сука, мне не все равно, это факт! — закричал Барский, ударяя кулаком по напольной плитке. — Вот именно после этого все пошло пи... — он сжал губы в тонкую линию, так и не договорив.

Мы долго молчали, и эта тишина отдавалась неприятным звоном в ушах, который хотелось скорее прекратить. Я же с самого начала чувствовала, что не нужно было оставаться. Но теперь уже было поздно, и такую рану было без толку заливать зеленкой и клеить пластырь.

— Самое время тебе начать рассказывать про твою нелюбовь к дверям, чтобы я хоть на какой-то момент забыл, каково это - чувствовать себя так паршиво.

Холод колючими мурашками начал распространяться от поясицы, поднимаясь вверх по спине к грудной клетке, сжимая ее в тисках. Но в этой ванной комнате не было даже

маленького сквозняка. А причиной моего состояния был чистый страх.

Но говорить придется. Это будет справедливо.

Я выхватила у Барского бутылку и сделала реальных три глотка, опустошая её. Для храбрости – хотелось бы мне в это верить, только тут нужен был напиток явно с градусом побольше.

— Я боюсь оставаться в помещениях одна, где закрыта дверь, — призналась на выдохе, произнося это так быстро, насколько смогла.

— Клаустрофобия? — спросил Барский, нахмутив брови.

— Не совсем. Клаустрофобы боятся замкнутых тесных пространств, держатся всегда поближе к выходу и стараются избегать большой и плотной толпы. Я же боюсь находиться одна в помещении, какое бы оно огромное не было, но, если закрыта дверь, у меня начинается что-то вроде панической атаки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.